Kozlovskii, Lev S.

Russkaia revoliutsiia...

Л. КОЗЛОВСКІЙ.

Русская революція и независимость Польши.

Переводъ съ польскаго.

ПАРИЖЪ.

1922.

Русская революція

и

независимость Польши.

Л. КОЗЛОВСКІЙ.

Русская революція и независимость Польши.

Переводъ съ польскаго.

ПАРИЖЪ.

—

1922.

Тип. «Франко-Русская Печать», 216, Bd Raspail, Paris.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Авторъ этого очерка, написаннаго для польскихъ читателей, полагалъ, что и для русскихъ онъ можетъ представить нѣкоторый интересъ. Правда, русскому читателю нѣтъ нужды доказывать, что освобожденная Россія провозгласила въ мартѣ 1917 года независимость Польши по своему почину, а не подъ давленіемъ Англіи, какъ вслѣдъ за англійскимъ журналистомъ утверждаетъ польскій историкъ, съ возраженія которому и начинается это краткое изслѣдованіе. Но, опровергая легенду и возстанавливая истину, авторъ долженъ былъ приводить отчасти забытые, отчасти совсѣмъ неизвѣстные факты изъ недавняго прошлаго русско-польскихъ отношеній. Провозглашеніе независимости Польши русской революціей — это событіе столь крупнаго историческаго значенія—до сихъ поръ еще не было предметомъ спеціальнаго изслѣдованія ни въ русской, ни въ польской литературѣ. Самъ авторъ воззванія къ полякамъ, П. Н. Милюковъ, говоритъ о немъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ въ своей «Исторіи второй русской революціи». *Все это и служитъ оправданіемъ изданія на русскомъ языкѣ предлагаемаго очерка.*

Л. К.

Іюнь 1922 г.

Варшава.

I.

ЛЕГЕНДА ОБЪ АНГЛІЙСКОЙ ИНТЕРВЕНЦІИ.

Профессоръ Станиславъ Кутшеба, въ статьѣ «Россія въ ея отношеніи къ Польшѣ во время великой войны», помѣщенной въ № 4-омъ «Пшегленда Варшавскаго» («Варшавское Обозрѣніе»), останавливается надъ происхожденіемъ воззванія русскаго временнаго правительства отъ 30/17 марта 1917 года, провозглашающаго независимость Польши.

Исходя изъ предпосылки, что этотъ актъ не явился слѣдствіемъ самопроизвольной инціативы временнаго правительства и въ то же время считая, что польскіе круги ничего не знали о подготовленіи воззванія, профессоръ Кутшеба вынужденъ искать происхожденія его въ заграничныхъ вліяніяхъ.

Идя въ этомъ направленіи, профессоръ Кутшеба нашелъ, какъ ему кажется, разрѣшеніе загадки въ разсказѣ Диллона, — въ книгѣ послѣдняго «Мирная Конференція въ Парижѣ», — объ англійской интервенціи, послѣдовавшей въ результатѣ стараній *польскихъ представителей въ Лондонѣ* *) Бальфуръ въ 1917 г., якобы, дважды телеграфировалъ англійскому посланнику въ Петербургѣ Бьюкенену, чтобы тотъ потребовалъ отъ новаго русскаго правительства признанія независимости Польши. «Бьюкененъ великолѣпно справился со своей задачей — разсказываетъ Диллонъ: — «Милюковъ уступилъ и издалъ воззваніе».

---

*) То же самое объясненіе генезиса акта 30(17) марта даетъ проф. Кутшеба и въ книжкѣ «Возрожденная Польша». (Polska Odrodzona).

Правда, польскій историкъ принимаетъ разсказъ англійскаго журналиста осторожно, со всевозможными оговорками.

— Возможно ли, однако, — спрашиваетъ онъ — признать разсказъ Диллона безспорно достовѣрнымъ? Въ его столь интересномъ трудѣ есть много безусловно вѣрныхъ свѣдѣній, но такж много сплетенъ, тѣхъ «говорятъ», какъ часто бываетъ въ работахъ журналистовъ, привыкшихъ къ спѣшкѣ и бьющихъ на эффектъ, но недостаточно критически относящихся къ своимъ источникамъ».

Но, не желая отказаться отъ гипотезы, выясняющей загадку происхожденія акта 30/17 марта, проф. Кутшеба ищетъ ея подтвержденія въ книгѣ Станислава Козицкаго «Вопросъ о границахъ Польши на мирной конференціи въ Парижѣ».

«Козицкій сообщаетъ, что по вопросу о независимости Польши, Дмовскій подалъ министру Бальфуру докладную записку въ мартѣ 1917 года. Козицкій приводитъ эту записку и прибавляетъ свѣдѣнія, согласныя съ разсказомъ Диллона, что Бальфуръ обратился по телеграфу къ англійскому посланнику въ Петербургѣ Бьюкенену съ соотвѣтсвующей инструкціей оказать давленіе на русское правительство».

Но и тутъ осторожность историка заставляетъ проф. Кутшебу выразить нѣкоторое сомнѣніе: «Книга Козицкаго вышла позднѣе работы Диллона: можетъ возникнуть сомнѣніе, сообщаетъ ли авторъ объ англійской интервенціи на основаніи непосредственныхъ свѣдѣній, или пользуется тѣмъ, что говоритъ Диллонъ.»

«Слѣдуетъ, однако, предполагать — продолжаетъ далѣе проф. Кутшеба — что сообщеніе о встрѣчѣ Дмовскаго и Бальфура безспорно; безспорно также и врученіе докладной записки. Очень жаль, всетаки, кто Козицкій не привелъ даты аудіенціи и врученія записки, ибо отъ этого зависитъ, можно ли установить непосредственную причиною связь между этими фактами: аудіен-

ціей, докладной запиской, англійскими нотами и актомъ 30/17 марта.»

Если бы причинную связь, о которой говоритъ проф. Кутшеба, можно было бы установить, то, конечно, Козицкій не преминулъ бы это сдѣлать, но дѣло въ томъ, что этой связи никоимъ образомъ установить нельзя: между запиской Дмовскаго, врученной Бальфуру, и возваніемъ временнаго правительства никакой связи нѣтъ, не только потому, что въ запискѣ — если это та записка, которую приводитъ Козицкій — хотя и врученной въ мартѣ 1917 г., но, очевидно, написанной еще до революціи, нѣтъ ни одного слова о необходимости деклараціи временнаго русскаго правительства, а говорится вмѣсто этого, что «теперь въ разрѣшеніе польскаго вопроса Россіей, — въ Польшѣ не вѣритъ никто, а въ Россіи ничтожное меньшинство», но и потому, что англійской ноты, о которой говоритъ Диллонъ и которая должна быть звеномъ въ цѣпи причинъ между запиской Дмовскаго и актомъ 30/17 марта — не существовало.

Разсказъ Диллона уже давно вызвалъ категорическое опроверженіе П. Н. Милюкова, что явствуетъ изъ открытаго письма Ф. Родичева къ проф. Аскеназы, напечатаннаго въ 1920 году, въ «Тыгоднѣ Польскомъ», въ № 20-мъ, отъ 29 августа. Въ этомъ письмѣ Родичевъ писалъ, что послѣ разговора съ проф. Аскеназы, который первый сообщилъ ему версію Диллона объ англійской интервенціи въ провозглашеніи независимости Польши, онъ — Родичевъ — обратился къ князю Львову и П. Н. Милюкову съ просьбой выяснить этотъ вопросъ.

«Князь Львовъ — пишетъ Родичевъ — категорически отрицаетъ существованіе какой-либо интервенціи Бьюкенена». «Не помню въ подробностяхъ, какъ это было — заявляетъ кн. Львовъ — но хорошо знаю, что правительство провозгласило независимость Польши по своему почину. Вытекало это изъ всего хода событій, одновременно пришло всѣмъ въ голову, было точно

также естественно, какъ провозглашеніе равноправія всѣхъ національностей, уничтоженіе ограниченій для евреевъ и т. д.».

«Милюковъ — продолжаетъ далѣе Родичевъ — прислалъ мнѣ въ Варшаву письмо съ полномочіемъ огласить его въ газетахъ. Милюковъ категорически опровергаетъ правильность утвержденій Диллона. Не Бьюкененъ Милюкову, а Милюковъ Бьюкенену сообщилъ объ актѣ временнаго правительства. Бьюкененъ ничего не требовалъ, а просто принялъ это къ свѣдѣнію...»

Такъ ли было, какъ разсказываетъ Милюковъ? Сомнѣваться въ этомъ было бы допустимо только въ томъ случаѣ, если бы существовали какіе-либо факты, противорѣчащіе его словамъ; если бы, напр., Бальфуръ или Бьюкененъ утверждали противное: вѣдь, они не имѣютъ никакого основанія скрывать англійскую инициативу въ провозглашеніи независимости Польши.

Проф. Кутшеба кончаетъ свою статью замѣчаніемъ, что «когда ноты англійскаго правительства будутъ опубликованы полностью, когда станутъ извѣстны происходившія передъ этими совѣщанія въ Англіи, только тогда можно будетъ окончательно установить, что склонило Англію къ вмѣшательству и въ какой мѣрѣ на ея рѣшеніе повліяли тѣ соображенія, которыя въ своей запискѣ развивалъ Дмовскій».

Но, вѣдь, что касается нотъ англійскаго правительства къ русскому во время войны, то можно сказать, что всѣ онѣ извѣстны: большевики послѣ октябрьскаго переворота опубликовали тайную дипломатическую переписку русскаго правительства съ союзниками за время войны *) (какъ ноты русскія, такъ и союзниковъ). Изъ этого источника взятъ и текстъ тайной инструкціи Сазонова Извольскому (русскому послу въ Парижѣ).

---

*) Документы эти въ изданіи совѣтскаго комиссаріата иностранныхъ дѣлъ выходили выпусками въ 1917-1918 годахъ.

отъ 9 марта 1916 г., которую цитируетъ въ своей статьѣ проф. Кутшеба. Однако, никакой тайной корреспонденціи между англійскимъ и временнымъ русскимъ правительствами по поводу провозглашенія независимости Польши не оказалось, а трудно предположить, что большевики не хотѣли опубликовать документа, который лишалъ нѣкотораго ореола свергнутое временное правительствами по поводу провозглашенія независимости Польши оно дѣйствовало не по своей доброй волѣ, но подъ давленіемъ иностраннаго правительства. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что нота, которой англійское правительство отвѣтило на сообщеніе ему воззванія къ полякамъ, отъ 30/17 марта 1917 г., косвенно подтверждаетъ слова Милюкова, что Бьюкененъ ничего отъ него не требовалъ, а только принялъ воззваніе къ свѣдѣнію, какъ фактъ совершившійся.

Англійская нота выражаетъ русскому правительству «горячую симпатію, съ какою правительство Великобританіи относится къ благородному выступленію Россіи». «Правительство Великобританіи счастливо засвидѣтельствовать, что всецѣло присоединяется къ признанію независимости и объединенія Польши. Осуществленіе этихъ принциповъ, по мнѣнію англійскаго правительства, становится возможнымъ благодаря либеральному и полному государственной мудрости заявленію временнаго правительства. Нынѣ Великобританія готова приложить всѣ усилія для достиженія этой цѣли въ тѣсномъ согласіи съ Россіей».

И только. Можно ли допустить, что англійское правительство такъ настойчиво добивалось немедленной деклараціи отъ русскаго правительства лишь для того, чтобы отвѣтить на нее лишь вышеприведенной нотой, не заключающей въ себѣ ничего кромѣ словъ вѣжливости по отношенію къ Россіи и неопредѣленныхъ обѣщаній по адресу Польши? Съ какою цѣлью могло бы англійское правительство требовать отъ Россіи въ мартѣ 1917 года немедленнаго признанія независимости Польши? —

Лишь съ цѣлью разстроить нѣмецкіе планы въ Польшѣ, провозгласивъ по соглашенію съ союзниками отъ имени всей Антанты созданіе независимаго и объединеннаго государства польскаго, какъ одной изъ цѣлей войны и условій мира? Но въ этотъ моментъ войны, когда увѣренности въ полной побѣдѣ надъ нѣмцами не было, Англія не хотѣла взять на себя такого обязательства и сдѣлать такое заявленіе. Поэтому, докладная записка, поданная Дмовскимъ Бальфуру въ мартѣ 1917 года, цѣлью которой было именно это — т. е. при помощи Коалиціи поставить вопросъ о созданіи польскаго государства — не достигла цѣли.

Если все это принять во вниманіе, то разсказъ Диллона объ англійской интервенціи придется признать одной изъ тѣхъ газетныхъ сплетенъ, основанныхъ на «говорятъ», которыхъ — по справедливому замѣчанію проф. Кутшебы — не мало въ книгѣ знаменитаго публициста.

Если гипотезу англійской интервенціи приходится отбросить, а о какомъ-либо другомъ вліяніи намъ неизвѣстно, то ничего иного не остается, какъ поискать происхожденія воззванія къ полякамъ революціоннаго русскаго правительства въ томъ, что предшествовало этому акту въ Россіи: въ настроеніяхъ, созданныхъ революціей въ русскомъ обществѣ и въ непосредственныхъ польско-русскихъ отношеніяхъ.

Именно съ этого долженъ былъ начать историкъ, изслѣдующій происхожденіе русскаго воззванія къ полякамъ и только въ случаѣ, если бы оказалось, что этотъ актъ не вытекаетъ изъ хода событій, вызванныхъ русской революціей — только тогда слѣдовало искать генезиса его за предѣлами Россіи.

Проф. Кутшеба избралъ иной путь, потому что взялъ исходной точкой два совершенно ошибочныя, какъ увидимъ далѣе, положенія: 1) что временное правительство издало воззваніе не по собственной инициіативѣ и даже противъ своей воли; и 2) что поляки въ Россіи никакой

роли въ этомъ дѣлѣ не играли. Первое положеніе проф. Кутшеба ставитъ, какъ аксіому, совершенно не требующую никакихъ фактическихъ доказательствъ, второе же положеніе опирается только на томъ фактѣ, что польскіе депутаты въ Думѣ не знали о готовящемся манифестѣ и 29/16 марта, когда манифестъ былъ уже подписанъ — на другой день онъ уже былъ опубликованъ въ газетахъ — вручили кн. Львову докладную записку, указывающую на необходимость для русскаго правительства занять опредѣленное положеніе въ польскомъ вопросѣ.

Что группа польскихъ депутатовъ въ Думѣ, — не имѣвшая связей съ тѣми кругами русскаго общества, которые революціей были выдвинуты на первый планъ, — о подготовленіи воззванія не знала, на ускореніе его не повліяла и вообще стояла въ сторонѣ отъ событій въ мартѣ 1917 года — это вполнѣ понятно; но, вѣдь, польское общество въ Россіи не сводилось къ группѣ депутатовъ 4-ой Думы, были и другіе дѣятели, и другія группы, о которыхъ нельзя не упомянуть въ исторіи польско-русскихъ отношеній, связанныхъ съ генезисомъ акта 30 марта 1917 года.

То, что проф. Кутшеба принялъ почти за аксіому очень сомнительное положеніе, отчасти объясняется тѣмъ, что Россія мартовской революціи, та дѣйствительно свободная Россія, которая, хотя недолго, но существовала въ промежуткѣ между двумя деспотизмами — царизмомъ и большевизмомъ — въ Польшѣ — земля невѣдомая; также неизвѣстна въ Польшѣ и богатая жизнь польской эмиграціи въ Россіи въ періодъ между паденіемъ царизма и большевистскимъ переворотомъ. Эта Россія вмѣстѣ съ польскою жизнью въ ней была отрѣзана отъ Польши нѣмецкимъ кордономъ. Польша разсталась съ Россіей царской, войска которой, отступая, сжигали польскія деревни; Польша встрѣтилась снова съ Россіей большевистской, орды которой шли снова на польскую землю, все уничтожая и сжигая. Принудительно выселяемые съ

родины, поляки или въ Россію царскую; на родину они возвращались уже послѣ большевистскаго переворота, который своею жестокостью и ужасами совершенно стеръ воспоминаніе о первой освободительной и безкровной революціи. Осталась память о страшной зимѣ царизма и о кровавой, липкой, осенней грязи большевизма; забытой осталась весна, что словно «прекрасное сонное видѣніе» прошла черезъ русскую жизнь.

Воззваніе, провозглашающее независимую Польшу, было одимимъ изъ тѣхъ цвѣтковъ, которые со сказочной быстротой зацвѣли на русской нивѣ, вспаханной первой весенней революціей и которые, скошенные октябрьскимъ переворотомъ, не пережили и одной зимы, но все-таки — хоть и недолго — существовали.

Сѣмена этого цвѣтка не изъ Лондона занесены въ Россію.

Уже издавна лучшіе умы русскіе бросали эти сѣмена въ родную землю, но почва для посѣва не была готова.

И только съ мартовской революціей пришла пора, когда сѣмя, въ землю брошенное, дало цвѣтокъ, который всѣми своими красками — и тѣми, которыя намъ милы, и тѣми, которыя рѣжутъ намъ глазъ — обязанъ нивѣ, на которой онъ взросъ, и моменту, въ который разцвѣлъ.

Актъ 30 марта носитъ на себѣ столь ясныя черты настроеній русской интеллигенціи, которую революція поставила у кормила правленія, одновременно въ ней пробудили и искренній энтузіазмъ къ свободѣ и огромную національную гордость, и надежды на побѣдоносное окончаніе войны — что не можетъ быть и рѣчи о навязанномъ, или извнѣ заимствованномъ характерѣ этого акта.

Это покажетъ исторія его возникновенія и провозглашенія, къ которой мы приступаемъ.

II.

РОССІЯ ВЪ МАРТѢ 1917 ГОДА.

Послѣ переворота, временное правительство съ княземъ Львовымъ во главѣ, образовалось 15/2 марта. 29/16 марта, т. е. черезъ двѣ недѣли, былъ опубликованъ Уставъ Ликвидаціонной Комиссіи по дѣламъ Царства Польскаго, а воззваніе о независимости Польши было уже подписано. Если вспомнить, что въ теченіе этихъ двухъ недѣль новое правительство, рожденное революціей во время войны, должно было разрѣшить тысячи жгучихъ вопросовъ, связанныхъ съ поддержаніемъ новаго порядка и защитой государства, что приходилось устранять прежнюю царскую администрацію и создавать новую, реорганизовать армію, отмѣнять наиболѣе ненавистные законы и распоряженія царской власти и намѣтить планъ реформъ, которыя могли хотя бы на короткое время удовлетворить и успокоить возбужденную народную стихію, — если принять во вниманіе, что новые министры имѣли свободными только ночи для обдумыванія и разрѣшенія всѣхъ этихъ дѣлъ, (ибо съ утра до вечера они должны были говорить рѣчи толпѣ и принимать безчисленныя депутаціи отъ войскъ и народа, прибывавшихъ въ столицу со всѣхъ концовъ государства) — то надо признать, что временное правительство занялось разрѣшеніемъ польскаго вопроса почти съ молніеносной быстротой.

Что повліяло на эту быстроту?

Авторъ «Воскресенія Государства Польскаго» объясняетъ происхожденіе акта 30/17 марта такимъ образомъ:

«15 марта 1917 года революція свергла русскій царизмъ и на мѣсто его установила республику, которая должна была порвать съ системой грубаго угнетенія и, опираясь на освобожденныя силы русскаго народа, съ удвоеннымъ жаромъ продолжать войну съ Германіей и Австріей. Однимъ изъ условій успѣха въ этой борьбѣ безусловно было привлеченіе на свою сторону поляковъ. Настаивали на этомъ и западныя державы, которыя до сихъ поръ, считаясь съ царизмомъ, смотрѣли на польскій вопросъ, какъ на внутренній вопросъ Россіи. Желая успѣть въ этомъ, новое русское правительство не могло остаться позади центральныхъ государствъ и ихъ манифестомъ отъ 5 ноября. И потому 30 марта 1017 г. появилось воззваніе къ полякамъ.» *).

Такое объясненіе во всякомъ случаѣ болѣе серьезно, чѣмъ приписываніе акта 30 марта только тому, что Милюковъ оказался недостаточно упрямымъ и въ первый разъ отказалъ Бьюкенену, а въ другой — уступилъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи и оно оказывается недостаточнымъ.

Вѣдь, тѣ же самыя причины, которыя, по мнѣнію автора, заставили новое русское правительство объявить независимость Польши, существовали и для стараго. Однимъ изъ условій успѣха Россіи въ борьбѣ съ Германіей и Австріей безусловно было привлеченіе на свою сторону поляковъ, точно также и въ 1914, 1915, 1916 г.г., какъ и въ 1917 г. Что воззваніе великаго князя не достигло этой цѣли было очевидно, особенно послѣ пораженія въ 1915 году, а послѣ акта 5-го ноября**) и царское правительство должно было бы понять, что не можетъ Россія, если желаетъ привлечь поляковъ на свою сторону, давать имъ меньше, чѣмъ Гер-

*) «Wskrzeszenie Państwa Polskiego. Szkic historyczny. Tom I, 1914-1918. Kraków, 1920, str. 138.

**) Провозглашеніе Германіей самостоятельнаго Польскаго государства.

манія. Не было недостатка въ голосахъ, которые старались убѣдить въ этомъ царское правительство. Въ 1916 г. А. Ледницкій въ докладной запискѣ, поданной русскому правительству въ отвѣтъ на обвиненія департамента полиціи цѣлаго ряда польскихъ дѣятелей въ томъ, что они переходятъ на центральную оріентацію, писалъ, что разумная политика велитъ Россіи и Коалиціи дать Польшѣ точно такія же гарантіи, какія получили въ этой войнѣ Бельгія и Сербія — т. е., что независимость Польши должна быть признана одною изъ цѣлей войны. Докладъ этотъ, напечатанный въ «Русскомъ Словѣ», произвелъ большое впечатлѣніе на русское общество, но не оказалъ вліянія на правительство. Въ томъ же году, русскій — предводитель московскаго дворянства, Самаринъ, отъ имени группы монархистовъ, вручилъ правительству записку, въ которой доказывалось, что интересъ Россіи требуетъ независимости Польши. Въ этомъ же направленіи вліяли и западныя державы. Однако, царское правительство не пошло далѣе обѣщанія «свободной Польши» (приказъ по арміи 12/25 декабря 1916 г.), для осуществленія которой было созвано въ январѣ 1917 г. — составленное преимущественно изъ старыхъ русскихъ бюрократовъ — совѣщаніе по польскому вопросу.

Слова «независимость» царизмъ не могъ изъ себя выдавить. Поэтому, возникаетъ вопросъ, почему новое правительство рѣшилось за двѣ недѣли своего существованія на такой шагъ, на который старое правительство не могло рѣшиться въ теченіе трехъ лѣтъ. Очевидно, что отвѣта на этотъ вопросъ надо искать въ революціонномъ характерѣ новаго правительства, въ логикѣ революціи.

Князь Львовъ, какъ мы видѣли выше, утверждаетъ, что «провозглашеніе независимости Польши вытекало изъ всего хода событій и одновременно пришло всѣмъ въ голову». Что оно «вытекало изъ всего хода событій» это — правда, но чтобы оно пришло въ голову всѣмъ

одновременно — этого сказать нельзя хотя бы уже потому, что не только въ русскомъ обществѣ вообще, но и въ самомъ временномъ правительствѣ были и такіе дѣятели, которые, какъ Керенскій, высказывались за независимость Польши еще до революціи и такіе, которые, какъ Милюковъ, прежде были противъ нея. Слова князя Львова постольку отвѣчаютъ дѣйствительности, поскольку они подтверждаютъ, что актъ, провозглашающій независимость Польши, отвѣчалъ общему настроенію русскаго общества и не только не вызывалъ въ немъ протеста, но былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ и признаніемъ.

Можно сказать, что слова «независимая Польша» носились въ весеннемъ воздухѣ надъ волнующимся моремъ русской революціи, но для того, чтобы «слово стало плотью» въ видѣ государственнаго акта, необходимы были подготовительная работа и творческое дѣйствіе. Ни одинъ государственный актъ не появился такимъ образомъ, что «одновременно всѣмъ приходилъ въ голову», не явилось такимъ путемъ и воззваніе 30 марта.

Но прежде, чѣмъ перейти къ точной исторіи акта 30 марта, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ общемъ настроеніи, среди котораго этотъ актъ родился.

Тѣмъ, которые сами не были свидѣтелями памятныхъ событій въ Россіи, въ мартѣ 1917 года, трудно дать понятіе о томъ настроеніи, которое охватило народы огромной имперіи съ того мгновенія, когда внезапно раздался могучій гулъ трескающихся извѣчныхъ льдовъ и разнеслась сказкѣ подобная вѣсть, что царизмъ — тотъ царизмъ, что столѣтія нерушимо стоялъ, — не существуетъ болѣе...

Нынѣ мы знаемъ, что означалъ этотъ мощный гулъ: это не только царизмъ рухнулъ, это начала валиться вся имперія Петра Великаго. Тогда, въ первыя минуты таянія льдовъ и разлива водъ, эта мысль никому не приходила въ голову: ни «инородцамъ», которымъ революція приносила освобожденіе отъ ига, ни самымъ

горячимъ патріотамъ изъ русской интеллигенціи, поставленной переворотомъ у кормила правленія.

Въ эту минуту всѣ объединялись въ радостномъ порывѣ при видѣ тронувшейся рѣки и радовались великолѣпному зрѣлищу разлива возбужденной людской стихіи ; и, глядя. какъ плывутъ по волнамъ наводненія разбитый тронъ и ненавистные символы царской власти, русская интеллигенція не думала, что вслѣдъ за ними поплыветъ и многое другое — въ томъ числѣ и размытый фундаментъ государства, — не предчувствовала, что и она сама найдетъ смерть въ этихъ волнахъ.

Глядя на поверхность несущейся воды, русская интеллигенція не видѣла, куда стремится болѣе глубокое теченіе, непо нимала грозная рокота волнъ людскихъ — того крестьянскаго люда, который жаждалъ не свободы и войны до побѣды, но — земли и конца войны.

Не сознавая трагическаго разрыва съ народомъ, вѣря въ грядущій день, патріотическая интеллигенція привѣтствовала въ лучахъ мартовскаго солнца торжество свободы и залогъ побѣды въ войнѣ. «Рожденная въ неволѣ, закованная съ пеленокъ» она «одну только въ жизни такую имѣла весну».

Это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ въ исторіи минутъ всеобщаго подъема, когда собирательная душа человѣческая оказывается способной на дѣйствія болѣе благородныя и безкорыстныя, чѣмъ тѣ, которыя образуютъ повседневный фонъ политической жизни. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ такую минуту, русское общество въ огромномъ своемъ большинствѣ оказалось способнымъ по отношенію къ Польшѣ на такой шагъ, къ которому за много лѣтъ передъ тѣмъ призывало его меньшинство устами людей благородно мыслящихъ и дальше другихъ смотрящихъ впередъ: — Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій, Кавелинъ и др. Тѣмъ болѣе въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, что еще передъ революціей пропаганда идеи независимости Польши сдѣлала большіе успѣхи въ русскомъ обществѣ. Наоборотъ, было

бы удивительно, если бы послѣ потрясенія, отъ котораго рухнули стѣны стараго зданія государственности и все пришло въ движеніе, неподвижной осталась бы только прежняя кадетская программа автономіи Польши.

Это настроеніе, поднимающееся надъ буднями жизни, — «революціонное» настроеніе, въ лучшемъ значеніи этого слова, охватило тогда не только лѣвую интеллигенцію и молодежь, но и тѣ болѣе умѣренные, либеральные, кадетскіе круги, изъ которыхъ вышло первое временное правительство съ княземъ Львовымъ во главѣ.

«Насъ выбрала революція» — гордо отвѣтилъ Милюковъ на брошенный изъ толпы вопросъ: — «Кто васъ выбралъ?».

«Еще нѣсколько дней тому назадъ — говорилъ Милюковъ — мы были лишь скромной оппозиціей, а старое правительство казалось всесильнымъ. Нынѣ это правительство рухнуло въ грязь, изъ которой оно родилось, а насъ и нашихъ товарищей слѣва революція, армія и народъ выдвинули на почетное мѣсто членовъ перваго русскаго общественнаго кабинета».

Правительство, вышедшее изъ революціи, должно было кореннымъ образомъ порвать съ методами и навыками власти, упавшей въ грязь, о которой тотъ же Милюковъ сказалъ, что «исторія не знаетъ другого правительства такого глупаго, безчестнаго, трусливаго и предательскаго.». Разрывая съ предательскими методами царизма, новое правительство должно было порвать и съ его методами въ польскомъ вопросѣ и занять въ этомъ вопросѣ, — ставшемъ для русской политики съ момента взрыва міровой войны вопросомъ первостепенной важности — прямо противоположную позицію.

Ликвидація стараго режима неуклонно требовала и ликвидаціи русской политики по отношенію къ Польшѣ. Если Россіи дѣйствительно предстояло начать новую жизнь, какъ всѣ вѣрили въ мартѣ 1917 г., то она должна была на новыхъ началахъ построить и свои отношенія къ Польшѣ.

Увѣренность, что прошлое въ польско-русскихъ отношеніяхъ должно быть предано забвенію, охватила среди всеобщаго подъема первыхъ дней революціи и русское общество, и широкіе круги поляковъ въ Россіи.

«Дню вчерашнему — забвенье, дню грядущему — привѣтъ» — этими словами русскаго поэта заканчивается первое польское привѣтствіе по адресу побѣдоносной русской революціи: телеграмма, посланная изъ Москвы Комитету Государственной Думы и подписанная представителями всѣхъ польскихъ организацій въ Москвѣ — людьми, принадлежащими къ различнымъ политическимъ направленіямъ, какъ Александръ Ледницкій, Людвигъ Даровскій, покойный князь Матвѣй Радзивилъ, Янъ Лютославскій, ксензъ - деканъ Петръ Зелиньскій и много другихъ.

Какое же новое рѣшеніе польскаго вопроса могъ принести грядущій новый день?

Только независимость Польши.

Что никакое иное рѣшеніе въ плоскости хотя бы широчайшей автономіи поляковъ не удовлетворитъ — ясно говорили не только *всѣ* польскіе голоса, которые раздались *послѣ* революціи, но и тѣ — многіе —, которые еще во *время царизма* опредѣленно подчеркивали въ Россіи польскія національныя стремленія и знакомили русское общество съ польскимъ вопросомъ.

Теперь мы должны вернуться немного вспять и сказать нѣсколько словъ о той широкой организованной польской пропагандѣ, которая велась въ Россіи во время войны.

III.

ПОЛЬСКАЯ ПРОПАГАНДА ВЪ РОССІИ ВЪ 1914-1916

Въ рамкахъ настоящаго очерка я, конечно, не могу излагать исторіи той пропаганды, которую начали поляки въ Россіи, когда, въ пламени войны и ореолѣ мученичества, польскій вопросъ всталъ передъ міромъ и приковалъ къ себѣ вниманіе русскаго общества. Черпая свои силы въ пробужденной къ жизни постоянной польской колоніи въ Россіи и во все новыхъ волнахъ выселенцевъ, прибывающихъ изъ Польши, пропаганда эта пріобрѣла такіе размѣры, какихъ никогда ни передъ этимъ, ни послѣ того ни въ одной странѣ она не достигала. Пришлось бы написать цѣлую книгу, чтобы полностью возсоздать эту пропаганду. Здѣсь же, не вдаваясь въ подробности, я постараюсь очертить только общій характеръ ея и ея основныя черты, останавливая главное вниманіе на Москвѣ, бывшей центромъ той коллективной работы, которая велась во всѣхъ крупнѣйшихъ городахъ Россіи.

Сейчасъ требуется большое усиліе, чтобы мысленно перенестись въ то время, хронологически къ намъ близкое, но такое далекое всѣмъ содержаніемъ своей жизни, ибо отдѣляютъ его отъ насъ развалины и прахъ былого величія, и новая жизнь, разцвѣтающая среди развалинъ и ураганы событій, которыхъ хватило бы на десятки и сотни лѣтъ.

Сейчасъ, имѣя передъ глазами Россію, до основанія разрушенную и упавшую на самое дно нищеты, не легко возстановить въ памяти то время, когда богатая и счаст-

ливая Москва, широкая и гостепріимая жизнь которой не прекратилась даже во время войны, проявляла такое сочувствіе къ бѣдствіямъ Польши, такъ страшно потерпѣвшей съ самаго начала войны.

Съ этого сочувствія русскаго общества польскому горю и началась польская пропаганда въ Москвѣ, — въ Москвѣ, которая въ гораздо большей степени, чѣмъ административная столица государства Петербургъ, была очагомъ независимой культурно-общественной жизни въ Россіи, была центромъ русскихъ, крупныхъ общественныхъ организацій, вызванныхъ къ жизни войною, какъ всероссійскіе союзы городовъ и земствъ, и въ которой больше, чѣмъ въ Петербургѣ, сосредотачивалась жизнь выселенцевъ изъ Польши: сюда стекались они въ наибольшемъ количествѣ, здѣсь возникало больше всего польскихъ чрежденій, здѣсь происходили главнѣшіе польскіе съѣзды. Польская пропаганда, возникшая въ связи съ помощью выселяемымъ и бѣженцамъ, обращавшаяся просто къ чувствамъ человѣчности, съ самаго начала, однако, уже не удовлетворялась чисто благотворительными цѣлями помощи плѣннымъ и выселенцамъ и постаралась придать ей характеръ національный и политическій. Пропаганда шла двумя путями: 1) путемъ широкой, открытой работы при помощи печати воззваній, лекцій, благотворительныхъ сборовъ, собраній. театра и т. д., и 2) путемъ незамѣтной для широкихъ слоевъ политической работы, которая велась на частныхъ польско-русскихъ собраніяхъ, конференціяхъ и совѣщаніяхъ въ болѣе или менѣе тѣсномъ кругу.

Путь широкаго, открытаго дѣйствія въ условіяхъ стараго режима въ началѣ войны, разбудившей русскій патріотизмъ и обострившей бдительность власти и цензуры, была сопряжена для польскихъ организацій съ большими трудностями и требовала большого такта.

Однако, польской пропагандѣ, подъ опатнымъ и осторожнымъ руководствомъ А. Ледницкаго, (Предсѣдателя Польскаго Комитета въ Москвѣ, а затѣмъ, Предсѣдате-

ля Совѣта Съѣздовъ польскихъ организацій), вліяніе и обширныя связи котораго почти во всѣхъ кругахъ русскаго общества очень облегчали эту трудную задачу, удалось преодолѣть эти п. мѣхи и, не задѣвая національныхъ чувствъ русскихъ, не возбуждая подозрѣній власти, подчеркивать принадлежащее Польшѣ мѣсто и польскія стремленія.

Напомню объ организованномъ въ Москвѣ въ 1914 г. Комитетѣ «Героической Бельгіи и мученической Польшѣ». Русскій, принимавшій участіе въ помощи Бельгіи и Польшѣ, свыкался съ мыслью, что Польшѣ помогается не, какъ своей «окраинѣ», а — какъ отдѣльному народу.

Напомню о помощи, оказываемой польскими организаціями плѣннымъ полякамъ нѣмецкой и австрійской армій, какъ и полякамъ изъ Галиціи и Познани, которыхъ русскія власти высылали изъ Царства Польскаго, какъ подданныхъ враждебныхъ государствъ. Совѣтъ Съѣздовъ, въ воззваніи къ русскому обществу, писалъ по этому поводу въ 1915 г., что поляки, не признавая раздѣловъ Польши, не дѣлаютъ различія между поляками, уроженцами земель, раздѣленныхъ между Германіей, Австріей и Россіей, и всѣхъ ихъ считаютъ братьями.

Такъ, при каждомъ удобномъ случаѣ и всяческими способами старались поляки выявить свою точку зрѣнія, подчеркнуть особое положеніе Польши: посредствомъ самой организаціи помощи, посредствомъ печати, воззваній, лекцій, театра. Театръ польскій въ Москвѣ давалъ, подъ умѣлымъ руководствомъ А. Шифмана, во время войны, не только духовную пищу для постоянной польской колоніи и новыхъ выселенцевъ и бѣженцевъ, но велъ также и польскую пропаганду; и не только художественную, — знакомя русскихъ съ такими шедеврами польской поэзіи, какъ «Лилля Венеда», Словацкаго или «Свадьба», Выспянскаго — но и патріотическую и политическую. Когда въ Москвѣ въ польскомъ театрѣ на

Тверскомъ бульварѣ, по окончаніи «Дзядовъ», Мицкевича, Остэрва на сценѣ читалъ «Ектенію паломниковъ» и весь залъ вставъ, какъ одинъ человѣкъ, повторялъ за нимъ: «О независимости, цѣлости и свободѣ нашей молимъ, Тебя, Господи»! — это производило потрясающее впечатлѣніе на присутствующихъ въ театрѣ русскихъ. Объ этомъ писали въ газетахъ, говорили въ городѣ.

Какое же значеніе имѣло все это съ политической точки зрѣнія?

Средній русскій обыватель, который о Польшѣ ничего не зналъ, черпая о ней свѣдѣнія изъ казенныхъ учебниковъ исторіи и географіи, который безъ пересадки проѣзжалъ за-границу черезъ Польшу, даже не замѣчая, что проѣзжаетъ по какой-то другой странѣ, который привыкъ считать эту страну одной изъ «окраинъ» Россіи, а Варшаву — однимъ изъ губернскихъ городовъ, теперь началъ задумываться надъ тѣмъ, что это не такъ, что Польша — какая-то особая страна и особый народъ «инородное» тѣло въ русскомъ государственномъ организмѣ.

Русскіе очень мало знали о Польшѣ, рѣдко о ней думали и надо было очень много имъ выяснять. Помню, какое впечатлѣніе произвела на русскихъ читателей въ 1915 году моя статья въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» — «Они идутъ» — статья, въ которой я описывалъ трагедію польскихъ мужиковъ, выселяемыхъ и гонимыхъ въ Россію отступающими русскими войсками. Русскіе думали, что поляки сами бѣгутъ отъ нѣмцевъ, что все это — «бѣженцы» и съ удивленіемъ узнали, что это — изгнанники, которымъ русское правительство причинило страшную несправедливость. Я писалъ о безсмыслицѣ злополучнаго плана инсценировать въ Польшѣ «отечественную войну» 1812 года: вѣдь, русскіе въ 1812 году бѣжали отъ непріятеля вглубь собственной страны, а поляковъ принуждали уходить въ чужой имъ край. Нельзя Польшу переселить въ Россію — писалъ я. Эта статья от-

крыла русскому обществу глаза на правду, которой оно не знало. Нѣкоторые читатели писали мнѣ, что плакали надъ трагедіей Польши.

Русскимъ приходилось много говорить о Польшѣ и въ эти три года войны было сказано столько, что они узнали о ней больше, чѣмъ за все столѣтнее принудительное русско-польское сожительство. Русскіе начали знакомиться съ Польшей въ моментъ, когда уже надо было съ нею разставаться: такъ бываетъ и въ жизни отдѣльныхъ лицъ. Но это знакомство въ послѣдній моментъ сдѣлало то, что съ Польшей Россія разсталась не съ такимъ горькимъ чувствомъ, какое вызвала въ ней утрата другихъ окраинъ. Русскіе раньше и легче помирились съ мыслью о независимости Польши, чѣмъ съ мыслью о независимости Латвіи, Эстоніи и, даже Финляндіи.

Широкая пропаганда, о которой говорилось выше, облегчила путь болѣе тѣсной политической пропагандѣ, къ которой мы переходимъ.

Касаясь исторіи, той пропаганды, которая какъ уже было указано выше, шла не широкой, открытой дорогой, а тропинкой, незамѣтной для широкихъ круговъ, будущій историкъ навѣрно остановится у хорошо извѣстнаго полякамъ въ Москвѣ дома въ Кривониколаевскомъ переулкѣ подъ № 8, гдѣ сейчасъ находится польская коммунистическая школа, а въ 1918 году было представительство Регентскаго Совѣта Королевства Польскаго.

Тамъ, въ салонѣ А. Р. Ледницкаго, Москва встрѣчалась съ Варшавой. Тамъ на вечерахъ или на дискусіонныхъ собраніяхъ, въ болѣе тѣсномъ и замкнутомъ кружкѣ, или передъ болѣе широкой, русской аудиторіей выступали въ качествѣ лекторовъ, ораторовъ или просто участниковъ бесѣды выдающіеся польскіе ученые, литераторы, общественные дѣятели.

Кого только не бывало на этихъ собраніяхъ 1914-1916 г.г., когда польская колонія въ Россіи еще не раз-

дѣлилась на два враждебные лагеря: *) проф. Марьянъ Здѣховскій, Зимгнутъ Болицкій, Евстафій Добецкій, Тадеушъ Мицинскій **) Мечиславъ Лимановскій, Павелъ Гурскій, князь Северинъ Четвертинскій, князь Матвѣй Радзивилъ, Владиславъ и Станиславъ Грабскіе, Станиславъ Патекъ, Леонъ Супинскій, Леонъ Беренсонъ, браться Лютославскіе***) Казиміръ Эренбергъ, І. Гласко, Л. Фризэ, Здиславъ Гейдель, Е. Курнатовскій, Эд. Пашковскій, Феликсъ Керскій, Вл. Пежиньскій, проф. Адамъ Шеленговскій, проф. Романъ Дыбовскій, Богданъ Страшевичъ и др. Петербургскую колонію представляли: графъ Владиславъ Велепольскій, Владиславъ Жуковскій, ген. А. Бабянскій, Генрихъ Свенцицкій и др. Изъ многочисленной московской колоніи ближайшее участіе принимали: І. Эвертъ, Л. Даровскій, Т. Гриневскій и многіе другіе ****)

Россію на этихъ собраніяхъ представляла какъ разъ, пользуясь опредѣленіемъ Милюкова, та «скромная оппозиція», которая послѣ переворота стала у власти, но которая уже и тогда обладала большимъ вліяніемъ и значеніемъ. Постоянными гостями тамъ бывали: князь Павелъ Долгоруковъ, князь Евгеній Трубецкой, А. А. Ма-

---

*) «Народовыхъ демократовъ», которые относились враждебно ко всякимъ попыткамъ польскаго общества въ оккупированной нѣмцами Польшѣ использовать актъ центральныхъ державъ для строительства польскаго государства и 2) «активистовъ», которые были за это использованіе и видѣли зачатки польской государственности въ полусвободной, оккупированной Польшѣ.

**) Выдающійся польскій поэтъ, безъ вѣсти пропавшій послѣ большевистскаго переворота; по слухамъ — разстрѣлянъ большевиками.

***) Двое изъ нихъ были въ 1918 году разстрѣляны большевиками

****) Фамиліи я привожу на память; поэтому, навѣрное пропустилъ кого нибудь изъ выдающихся участниковъ этихъ собраній какъ съ польской, такъ и съ русской стороны.

нуйловъ, В. Маклаковъ, Ф. Ф. Кокошкинъ, Челноковъ, князь Д. Шаховскій, князь Львовъ, Астровъ, проф. С. Котляревскій, Кишкинъ, Ф. Головинъ, Коноваловъ, князь Урусовъ. Рѣже бывали здѣсь представители лѣвыхъ теченій: С. Мельгуновъ и Е. Д. Кускова. Изъ Петербурга пріѣзжали: Милюковъ, Родичевъ, Набоковъ.

Это былъ преимущественно тотъ кругъ людей, изъ котораго вышло и мнѣніе котораго представляло временное правительство въ его первомъ составѣ. Конечно, я не стану утверждать, что на этихъ собраніяхъ вырабатывалось мнѣніе по польскому вопросу будущаго русскаго правительства, но несомнѣнно они содѣйствовали, въ значительной мѣрѣ тому, что русскіе дѣятели, ставшіе у власти послѣ переворота, уже заранѣе глубже продумали польскій вопросъ и лучше съ нимъ познакомились.

Большинство русскихъ участниковъ этихъ собраній въ началѣ не шло далѣе мысли объ автономіи. Что касается поляковъ — то всѣ хотѣли независимости, но не всѣ о ней говорили.

Марьянъ Здѣховскій со свойственной ему искренностью, на одномъ изъ собраніи въ 1914 году, заявилъ русскимъ — объясняя психологію легіоновъ — что поляки не только хотятъ независимости, но, какъ рыцарскій народъ, хотятъ ее завоевать, а не получить въ подарокъ. Другіе, согласно тактикѣ Дмовскаго, не считали нужнымъ объ этомъ говорить. Народовая демократія, строя свою тактику на отношеніи съ правящими сферами и пренебрегая русской оппозиціей, не поднимала вопроса о независимости, на которую, очевидно, царское правительство никогда бы не согласилось.

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Дмовскаго, Ст. Козицкій, такъ характеризуетъ тактику лидера народовой демократіи:

«Тогда нельзя было ставить открыто программы независимости: къ числу союзныхъ государствъ принадлежала Россія, которая на такую программу не могла согласиться... Выдвинуть въ началѣ войны программу неза-

висимости, значило бы усилить и безъ того сильную германофильскую партію въ Россіи и всѣ тѣ интриги, которыя стремились оторвать Россію отъ Антанты. Поэтому Дмовскій постоянно отказывался обсуждать съ русскими вопросъ о будущемъ устройствѣ Польши, какъ вопросъ не актуальный*).

Этой тактики представители народовой демократіи держались, какъ по отношенію къ оффиціальной Россіи, такъ и въ рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ общенія съ Россіей неоффиціальной, оппозиціонной, одинаково, какъ въ своихъ выступленіяхъ въ Думѣ, такъ и на частныхъ собраніяхъ. Поэтому-то народовая демократія и не могла способствовать распространенію въ Россіи идеи независимости Польши. Напротивъ, такая тактика затрудняла пропаганду этой идеи въ русскомъ обществѣ, давая въ руки русскихъ противниковъ независимости Польши аргументъ, что ея не требуютъ и польскіе представители.

Когда А. Ледницкій, поставившій себѣ задачей снискать поддержку русской оппозиціи для дѣла польской независимости, весной 1916 г. внесъ въ Центральный Комитетъ партіи К.-Д. предложеніе, чтобы партія высказалась за необходимость признанія независимости Польши, Милюковъ выдвинулъ противъ этого, между прочимъ, аргументъ, что польскіе представители въ Думѣ не поднимали вопроса о независимости и что проэктъ автономіи Польши, разработанный Кокошкинымъ, съ нѣкоторыми поправками получилъ одобреніе польскихъ представителей**).

Расколъ въ польской эмиграціи, раздѣлившейся въ 1916 году на два лагеря, произошелъ не только на почвѣ разнаго отношенія къ строительству польскаго государства подъ нѣмецкой оккупаціей, но также и на почвѣ

---

*) «Sprawa granic Polski na Konferencji pokojowej w Paryżu, str. 13-14.

**) Предложеніе Ледницкаго было отвергнуто, послѣ чего онъ вышелъ изъ партіи к.-д.

разногласія въ отношеніи къ правительству и оппозиціи въ Россіи.

Пренебрегая оппозиціей, народовая демократія до послѣдняго момента существованія стараго режима не переставала прежде всего считаться съ правительствомъ; ея органъ «Справа Польска» (Польскій Вопросъ), съ энтузіазмомъ привѣтствовалъ созданное въ январѣ 1917 г., наканунѣ революціи, бюрократическое совѣщаніе, которое должно было разработать, согласно съ обѣщаніемъ, полученнымъ гр. Велепольскимъ на аудіенціи у Николая II, основныя начала устройства «свободной» Польши, оставшейся въ уніи съ Россіей. Таже часть польской либерально - демократической интеллигенціи, которая послѣ революціи создала въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ демократическіе комитеты, уже и передъ революціей не питала иллюзій по отношенію къ правительству и, все болѣе выясняя свою принципіальную позицію въ вопросѣ о необходимости независимости Польши, *) старалась пріобрѣсти сторонниковъ этой идеи среди русской оппозиціи.

Возвращаясь къ польской пропагандѣ среди русскаго общества, я долженъ указать, что польско - русскія собранія въ Москвѣ происходили не только въ Кривоникольскомъ пер., но и въ другихъ мѣстахъ.

Я долженъ упомянуть объ «Обществѣ Славянской Культуры»**), предсѣдателемъ котораго былъ большой

---

*) Органы печати направленія: «Dziennik Piotrogrodski» подъ ред. Яна Домбровскаго, «Echo Polskie» въ Москвѣ подъ ред. Феликса Керскаго и «Kłosy Ukraińskie» Яна-Урсына Замараева въ Кіевѣ уже въ 1916 г. ясно стали на точку зрѣнія необходимости независимости Польши.

**) Въ этомъ обществѣ изъ постоянной польской колоніи въ Москвѣ во время войны принимали участіе: А. Ледницкій (товарищъ предсѣдателя), д-ръ Ф. Гриневскій (казначей), Юліанъ Клюковскій и Л. Козловскій (чл. правленія). Изъ пріѣзжавшихъ выступали: М. Здѣховскій, Т. Мицинскій, Е. Курнатовскій.

знатокъ польской литературы и горячій сторонникъ Польши, знаменитый русскій лингвистъ, академикъ Коршъ, а также объ « Обществѣ Единенія Народовъ », во главѣ котораго стоялъ также искренній другъ Польши и сторонникъ ея независимости В. П. Обнинскій. Происходили дискуссійныя польско-русскія собранія также и у питавшей искреннія симпатіи къ полякамъ — чистокровной москвички изъ богатой купеческой семьи — А. А. Лузиной, у которой кромѣ интеллигенціи кадетской бывали и представители лѣвыхъ направленій. Между ними — сторонникъ независимости Польши — историкъ С. П. Мельгуновъ, популярный общественный дѣятель въ Москвѣ, лидеръ московской группы, народныхъ соціалистовъ. Польскую демократію представляли тамъ Я. Даровскій и покойный Ю. Клюковскій.

Вспоминаются мнѣ также горячіе, совершенно искренніе споры по польско-русскому вопросу, какіе не разъ повторялись въ болѣе тѣсномъ кружкѣ у автора предлагаемаго очерка, гдѣ поляки могли встрѣчаться съ представителями московскаго литературнаго міра, преимущественно лѣвыхъ направленій.

Имѣя слишкомъ много матерьяла изъ моихъ московскихъ воспоминаній, чтобы вложить ихъ въ рамки этого очерка, я могу гораздо меньше сказать о Петербургѣ, гдѣ пропаганда идеи польской независимости также велась среди русскаго общества. Въ кадетскихъ кругахъ ее велъ А. Ф. Бабянскій, въ радикальныхъ и соціалистическихъ — покойный А. И. Вѣнцковскій. Очень любопытнымъ фактомъ въ этой пропагандѣ было основаніе въ 1916 году « Кружка друзей независимости Польши », предсѣдателемъ котораго былъ проф. Кузьминъ-Караваевъ, къ которому въ числѣ другихъ членовъ принадлежали: Керенскій, Некрасовъ и Чхеидзе*). Въ Петербургѣ находи-

*) Изъ поляковъ въ этомъ кружкѣ были: А. Бабянскій, проф. Бодуэнъ-де-Куртэнэ, Я. Домбровскій, Стеф. Гростерстернъ, Стеф. Мицкевичъ, А. Вѣнцковскій. Изъ московскихъ поляковъ — А. Ледницкій. инииціаторъ кружка.

лись: Польскій Національный Комитетъ и Польское Коло депутатовъ Думы и Государственнаго Совѣта, но, согласно съ тактикой Дмовскаго, о которой мы уже упоминали, пропаганды идеи польской независимости они въ Россіи не вели.

Зато, я не могу обойти молчаніемъ тѣхъ очаговъ польской пропаганды, которыми были... тюрьмы и мѣста ссылки въ Сибири: тамъ польскіе соціалисты вели пропаганду среди соціалистовъ русскихъ. Если же принять во вниманіе, что послѣ революціи министры пошли въ тюрьмы, а революціонеры изъ тюремъ повыходили и позанимали выдающіеся посты въ правительствѣ, то станетъ понятнымъ, что для польскаго вопроса въ революціонной Россіи не могло не имѣть значенія, какіе взгляды на этотъ вопросъ господствовали въ тюремныхъ и ссыльныхъ колоніяхъ, какъ не могло не имѣть значенія вліяніе въ этихъ колоніяхъ польскихъ товарищей по несчастью.

Политическіе заключенные и ссыльные изъ Польши рекрутировались преимущественно изъ Польской Соціалистической Партіи (П. П. С.) и Соціалъ-Демократіи Польши и Литвы. Если члены этой послѣдней, стоя на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, вообще были равнодушны къ вопросу о независимости Польши и впослѣдствіе соединились съ коммунистами, давая большевизму такихъ слугъ, какъ Дзержинскій, то П. П. С-овцы и въ ссылкѣ, и въ тюрьмахъ, сталкиваясь съ русскими революціонерами, съ жаромъ отстаивали идею независимости. Однимъ изъ такихъ горячихъ агитаторовъ во время войны былъ прежній П. П. С-овецъ, а теперь «людовецъ» (Крестьянская партія) депутатъ Сейма Антоній Анушъ.

Какъ же смотрѣли на вопросъ о независимости русскіе революціонеры различныхъ соціалистическихъ партій ?

Говоря вообще, русскіе соціалисты были централистами и національный вопросъ ихъ мало занималъ. Однако, во время войны, когда національный вопросъ сталъ вопросомъ дня, взгляды эти подверглись перемѣнѣ. Самая

умѣренная, немногочисленная и наименѣе централистическая партія народныхъ соціалистовъ, которая въ своей програмѣ имѣла федеративное устройство Россіи, для Польши и раньше дѣлала исключеніе, признавая ея право на независимость. Ближе всего въ этомъ вопросѣ стояли къ ней эсэры, которые поддерживали лозунгъ самоопредѣленія національностей. Наиболѣе неуступчивыми были меньшевики. Большевики же, которые послѣ захвата власти оказались наибольшими централистами и совершенно не считались съ правами народовъ на самоопредѣленіе, въ тотъ моментъ, когда разрушали старое государство и боролись за власть, видѣли въ національныхъ движеніяхъ разрушительную силу и, поэтому, поддерживали ихъ. Они охотно признавали за каждымъ народомъ право отдѣленія отъ Россіи.

Такъ стоялъ вопросъ о независимости Польши передъ революціей.

IV

ПОЛЯКИ И РЕВОЛЮЦІЯ.

Нежданная весна 1917 года какъ бы по мановенію волшебнаго жеста до неузнаваемости измѣнила жизнь поляковъ въ Россіи.

Разстаяли снѣга и, среди всеобщаго разлива, освобожденные отъ зимнихъ оковъ, пробивались на поверхность земли польскіе ручьи, гласящіе не пожеланія и жалобы, какъ раньше, но требованія и надежды польскія. Въ эти солнечные мартовскіе дни, когда все населеніе Россіи вышло на улицу и митинговало съ утра до вечера, безъ конца споря и принимая безконечныя резолюціи, выступили и поляки со своими митингами, рѣчами и резолюціями. Во всѣхъ крупныхъ скопленіяхъ польской эмиграціи создавались политическіе клубы и комитеты, — обще-національные или партійные — и лозунгъ «независимая Польша» раздавался отъ Минска до Владивостока и отъ Архангельска до Ташкента и Тифлиса. А вмѣстѣ съ этимъ лозунгомъ повторялся и возгласъ: «за вашу и нашу свободу!» Этими словами кончалось воззваніе временнаго правительства къ полякамъ, эти слова мы находимъ въ безконечномъ числѣ адресовъ, рѣчей, статей и резолюцій этого періода. Казалось, что слова «за нашу и вашу свободу», которыя въ 1831 г. польская революція бросила Россіи, но которыя Россія тогда не услышала, замерли въ неподвижномъ воздухѣ, замороженныя ледянымъ дыханіемъ русской зимы, а теперь оттаяли весной и пролетали надъ всѣмъ огромнымъ государствомъ, народы котораго пробуждались къ новой жизни...

Польскіе митинги съ ихъ резолюціями о независимо-

сти, рѣчами и привѣтствіями были въ большей части польскихъ колоній, разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ, уже отвѣтомъ на воззваніе временнаго правительства. Но въ Петербургѣ и Москвѣ польскіе митинги и декларацiи о независимости имѣли мѣсто въ первые дни революціи и о нихъ нельзя умолчать, говоря объ исторіи возникновенія акта 30 марта. Въ Петербургѣ первымъ отозвался голосъ молодежи.

2 (15) марта митингъ польской студенческой молодежи принялъ слѣдующую резолюцію:

1) Уже столѣтіе польскій народъ борется за свободу всѣхъ народовъ и свою собственную независимость. Въ настоящую минуту польская молодежь въ эмиграціи съ радостью привѣтствуетъ успѣхъ новаго союзника въ нашей борьбѣ въ лицѣ освобожденной русской демократіи. Горячо желаемъ наискорѣйшаго возрожденія русскаго народа въ рамкахъ настоящаго демократическаго устройства. Да здравствуетъ свободная и свободу несущая Россія.

2) Признавая, что каждый народъ имѣетъ право самъ рѣшать судьбы свои, мы непоколебимо стоимъ на почвѣ польской государственности и защиты независимости польскаго народа и вѣримъ, что свободная демократическая Россія будетъ находиться въ добрыхъ и дружескихъ отношеніяхъ со свободной и демократической Польшей *).

5 (18) марта Польскій Демократическій Комитетъ, привѣтствуя побѣду русской революціи и признавая, что поляки заинтересованы въ упроченіи новаго порядка и, поэтому, должны идти рука объ руку съ русской демократіей, заявилъ въ воззваніи, напечатанномъ въ польскихъ и русскихъ газетахъ, что «Россія должна признать независимость польскаго государства, конституціонныя формы

*) «Z dokumentow chwili», № 37, перепечатка изъ «Dziennika Piotrogrodzkiego».

котораго установить польскій Учредительный Сеймъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія *).

Подобную же резолюцію принялъ въ Москвѣ многолюдный митингъ, созванный 10 (23) марта Польскимъ Демократическимъ Клубомъ.

7 (20) марта отозвались польскіе депутаты въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ и Польскій Національный Комитетъ. Ихъ общая декларація, привѣтствуя «освобожденіе братскаго русскаго народа изъ оковъ самовластія», заявляла, что «Поляки, стоящіе на сторонѣ Россіи и антигерманской коалиціи, понимали, что побѣда государствъ, которыя на знамени своемъ написали девизъ объединенія Польши и права всѣхъ народовъ на самостоятельное существованіе, неминуемо должна осуществить неизмѣнное стремленіе польскаго народа къ объединенной и независимой родинѣ».

Далѣе, декларація выясняла, почему польская делегація до сихъ поръ не выставляла требованія независимости:

«Польскіе депутаты и Національный Комитетъ держались разъ принятаго пути, несмотря на всѣ препятствія, вытекавшія изъ стараго политическаго строя Россіи, опасаясь, чтобы противоположность польскихъ стремленій къ свободѣ и реакціонной позиціи павшаго правительства не повела къ конфликту между польскимъ и русскимъ народами».

Указавъ далѣе, что положеніе измѣнилось, когда свобода одержала въ Россіи побѣду, подчеркнувъ солидарность Польши и Россіи въ войнѣ, декларація заканчивается словами: «Въ стремленіи нашемъ къ объединенію и независимости Польши мы видимъ въ возрожденія Россіи новый факторъ, приближающій насъ къ великой цѣли **).

*) «Echo Polskie» 7 марта 1917 г.

**) «Z dokumentow chwili» № 34, стр. 30-32.

Послѣ революціи, какъ мы уже говорили (гл. II) *всѣ польскіе голоса* высказались за независимость. Если же, однако, въ исторіи акта 30 марта большую роль и въ этомъ періодѣ мы приписывали голосамъ демократическаго лагеря, то потому, что этотъ послѣдній ближе стоялъ къ правительству, вышедшему изъ среды оппозиціи, съ которой онъ и раньше поддерживалъ отношенія.

О намѣреніяхъ стараго правительства относительно «свободной Польши», возвѣщенныхъ въ приказѣ по арміи первымъ узналъ графъ Велепольскій на аудіенціи у Николая II, первое заявленіе новаго правительства относительно независимости получилъ Польскій Демократическій Клубъ въ Москвѣ отъ Керенскаго.

Встрѣченный съ энтузіазмомъ 7 (20) марта въ польскомъ демократическомъ клубѣ въ Москвѣ, какъ давній сторонникъ независимости Польши, Керенскій заявилъ, что позиція его въ польскомъ вопросѣ неизмѣнна и что онъ приложилъ всѣ старанія, чтобы *оффиціальное признаніе* незввисимости наступило, какъ можно скорѣе. Онъ подчеркнулъ, правда, что говоритъ только отъ своего имени, безъ соглашенія съ правительствомъ; но всѣмъ было извѣстно, что Керенскій — большая сила во временномъ правительствѣ, хотя формально онъ былъ только министромъ юстиціи. Въ тотъ моментъ, когда правительство постолько имѣло силу и значеніе, посколько имѣло за собой довѣріе и поддержку массъ, Керенскій — какъ товарищъ предсѣдателя Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, лидеръ эсэровъ и наиболѣе популярный ораторъ, увлекающій за собою толпу — имѣлъ огромный вѣсъ въ правительствѣ, которое слагалось изъ людей болѣе умѣренныхъ и менѣе популярныхъ.

Другимъ оффиціальнымъ заявленіемъ правительства была привѣтственная телеграмма комиссара временнаго правительства въ Москвѣ — Кишкина — Польскому Демократическому Клубу, полученная и оглашенная на уже упомянутомъ митингѣ 10 (23) марта.

Привѣтствуя открытіе Польскаго Демократическаго Клуба, комиссаръ правительства писалъ, что «только демократія можетъ осуществить давно желанный союзъ призванной къ жизни независимой оПльши съ великой Россіей (1). Слова эти, написанныя за недѣлю до изданія воззванія, свидѣтельствуютъ о томъ, что представитель временнаго правительства въ Москвѣ уже тогда не сомнѣвался относительно взглядовъ послѣдняго по этому вопросу. Слѣдуетъ еще добавить, что Кишкинъ былъ товарищемъ предсѣдателя центральнаго комитета партіи к.-д., изъ чего явствуетъ, что въ революціонной атмосферѣ быстро совершалась перемѣна во взглядахъ кадетовъ на польскій вопросъ.

Да, въ этой горячей революціонной атмосферѣ, среди событій, развившихся съ молніеносной быстротой, назрѣвало разрѣшеніе польскаго вопроса въ русскихъ умахъ, подготовленныхъ къ этому и ходомъ событій и пропагандой, о которой мы уже говорили. Ожиданіе, что временное правительство выскажется по польскому вопросу было всеобщимъ, особенно съ минуты, когда появился манифестъ 7 (20) марта, возвращающій Финляндіи прежнія конституціонныя права и отмѣняющій всѣ царскіе указы, нарушавшіе финляндскую конституцію.

За нѣсколько дней до провозглашенія воззванія начали ходить слухи, что по вопросу о независимости Польши готовитъ декларацію Петербургскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Эта декларація, дѣйствительно появилась за два дня до акта временнаго правительства, что дало поводъ говорить, будто воззваніе 30 марта было издано подъ давленіемъ Совѣта депутатовъ. Однако, намъ неизвѣстны факты, доказывающіе, что такое давленіе дѣйствительно имѣло мѣсто. Совѣтъ депутатовъ не игралъ въ дипломатію и, если чего домогался отъ правительства, то дѣлалъ это совершенно явно и открыто.

Можно говорить о личномъ вліяніи Керенскаго, кото-

---

*) «Echo Polskie» 11 марта 1917 г.

рый въ нѣкоторомъ смыслѣ представлялъ въ правительствѣ совѣтъ депутатовъ, ибо съ его согласія вошелъ въ кабинетъ. Но въ еще большей степени это было вліяніе — общаго настроенія и общаго хода событій, которымъ поддавались и временное правительство и совѣтъ депутатовъ.

Временное правительство состояло преимущественно изъ кадетовъ, которые передъ революціей въ большинствѣ были противъ независимости Польши. Въ совѣтѣ депутатовъ въ первомъ его составѣ руководящую роль играли меньшевики, которые передъ революціей къ вопросу о независимости Польши относились въ лучшемъ случаѣ равнодушно или скептически, разсматривая ее съ точки зрѣнія своей экономической теоріи, какъ вещь нереальную.

Все измѣнила революція, логика которой продиктовала кадетамъ изъ временнаго правительства и соціалъ-демократамъ изъ Совѣта депутатовъ воззваніе къ полякамъ; а такъ, какъ оба воззванія возникли независимо другъ отъ друга, то оба они имѣютъ, какъ увидимъ дальше — несмотря на общее содержаніе — далеко несходныя тенденціи, какъ въ зеркалѣ отражающія настроенія соціальныхъ слоевъ, представляемыхъ временнымъ правительствомъ и совѣтомъ депутатовъ.

Очевидно, что изданіе воззванія рабочихъ требовало меньше времени, чѣмъ редакція акта о независимости и Устава Ликвидаціонной Комиссіи, а эти два акта — этого нельзя забывать — тѣсно между собою связаны.

V

ЛИКВИДАЦІОННАЯ КОМИССІЯ И ВОЗЗВАНІЕ.

Воззваніе Совѣта рабочихъ депутатовъ появилось съ 28 марта. Уставъ Ликвидаціонной Комиссіи былъ уже утвержденъ (оглашенъ онъ былъ на слѣдующій день 29-го марта), а вопросъ объ изданіи воззванія былъ уже рѣшенъ.

Внутренняя исторія возникновенія и редактированія этихъ актовъ, до сихъ поръ еще нигдѣ не оглашенная, согласно разсказу А. Ледницкаго, принимавшемъ въ этомъ ближайшее участіе, представляется такъ:

24 марта 1917 г., по телеграфу вызванный Керенскимъ въ Петербургъ, А. Ледницкій на слѣдующій день былъ принятъ предсѣдателемъ Совѣта министровъ кн. Львовымъ, къ которому обратился съ вопросомъ, когда временное правительство выскажется по поводу независимости Польши. На это кн. Львовъ отвѣтилъ, что объ этомъ прежде всего слѣдуетъ переговорить съ Милюковымъ. Бесѣду съ Милюковымъ Ледницкій имѣлъ на другой день 26 марта. Сначала Милюковъ сомнѣвался, имѣетъ ли право временное правительство до созыва Учредительнаго Собранія разрѣшать вопросъ такой важности, какъ отдѣленіе Польши отъ Россіи, потомъ, однако, согласился, что и временное правительство имѣетъ право выпустить воззваніе, провоглашающее независимость Польши и создать фактъ, который предрѣшалъ бы вопросъ. Во время этой бесѣды зародилась мысль созданія Ликвидаціонной Комиссіи. Проэктъ устава этой комиссіи Ледницкій предложилъ 27 марта и онъ съ небольшой поправкой, каса-

ющейся Католической Церкви, былъ утвержденъ 28-го марта.

Уставъ Ликвидаціонной Комиссіи по дѣламъ Царства Польскаго предрѣшалъ независимость Польши, ибо пунктъ 2-а Устава гласитъ, что Ликвидаціонной Комиссіи поручается: выясненіе мѣстопребыванія и состоянія имущества государственныхъ и общественныхъ учрежденій Царства Польскаго, а также изысканіе способовъ сохраненія и управленія имъ *до момента передачи его государству польскому.*

Уставъ Ликвидаціонной Комиссіи, предшествовавшій возванію, былъ доказательствомъ, что послѣднее не является лживымъ обѣщаніемъ, какъ обѣщанія стараго правительства. Новое правительство начинало съ реальнаго факта — съ ликвидаціи прошлаго, очевидно, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ въ данный моментъ могло это сдѣлать. А именно, временное правительство поручило Ликвидаціонной Комиссіи (пар. 26) ликвидацію государственныхъ учрежденій, которыя дѣйствовали въ Царствѣ Польскомъ, т. е. ликвидацію прежней русской администраціи Царства Польскаго, которую царское правительство сохраняло на прежнихъ постахъ и послѣ эвакуаціи, не взирая на обѣщанія автономной и свободной Польши. Самая организація Комиссіи была построена на совершенно другихъ основахъ, чѣмъ царскія совѣщанія по польскому вопросу.

Ликвидаціонная Комиссія состояла изъ представителей министерствъ (внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, военнаго, просвѣщенія, юстиціи) и изъ представителей польскихъ общественныхъ организацій (Совѣта Съѣздовъ, Центральнаго Обывательскаго Комитета, Петербургскаго Общества Помощи жертвамъ войны и Польскаго Комитета въ Москвѣ) по выбору этихъ организацій; назначая предсѣдателемъ Комиссіи поляка, временное правительство отдавало въ ней преимущество польскому элементу. Предсѣдателемъ Ликвидаціонной Комиссіи былъ назначенъ предсѣдатель Совѣта Съѣздовъ польскихъ организацій

А. Ледницкій. Ликвидаціонная Комиссія была первымъ реальнымъ шагомъ временнаго правительства на пути къ ликвидаціи прежнихъ русско - польскихъ отношеній. И только сдѣлавъ этотъ шагъ, временное правительство имѣло право заявить въ воззваніи, что «прежнее правительство давало полякамъ лживыя обѣщанія, которыя оно могло, но не хотѣло исполнить».

Авторомъ воззванія былъ П. Н. Милюковъ. 28 марта онъ показалъ проэктъ воззванія Ледницкому, который сдѣлалъ возраженіе противъ двухъ пунктовъ: 1) о Всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи, долженствующемъ установить границы польскаго государства и 2) о военномъ союзѣ между Россіей и Польшей. На первомъ пунктѣ Милюковъ былъ непоколебимъ, что же касается второго, то въ немъ сдѣлалъ уступку, согласившись прибавить слово: «свободному» къ словамъ «военному союзу».

Съ этой поправкой Милюковъ вечеромъ того же 28-го марта внесъ воззваніе въ засѣданіе совѣта министровъ, который этотъ проэктъ утвердилъ. 29 марта воззваніе было подписано и 30 марта обнародовано.

Воззваніе, написанное Милюковымъ, выражало, очевидно, не его личное мнѣніе, но и мнѣніе русскаго правительства и русскаго общества, этимъ провительствомъ представленнаго. Русская печать горячо привѣтствовала это воззваніе, а были случаи, когда русское общество принимало этотъ актъ съ энтузіазмомъ. Въ одномъ изъ московскихъ театровъ воззваніе, полученное въ Москвѣ вечеромъ 30 марта, было прочитано со сцены и вызвало бурю рукоплесканій.

Въ этотъ моментъ возвышенное настроеніе русской интеллигенціи, которая въ паденіи царизма видѣла не только торжество свободы въ Россіи, но и начало новой эры возрожденія человѣчества, прекрасно передаютъ

слова Родичева на торжественномъ засѣданіи Ликвидаціонной Коммиссіи 15 апрѣля:

«Мы вступаемъ сейчасъ въ новый періодъ не только русско-польскихъ отношеній, но и отношеній общечеловѣческихъ. Намъ выпало на долю великое счастье закладывать новый фундаментъ, когда рухнуло зданіе угнетенія народовъ. Мы призваны строить среди вихрей и бурь. Намъ надо отречься отъ пережитковъ прошлаго, подъ властью которыхъ оставался народъ въ его прежнихъ эгоистическихъ стремленіяхъ».

Предчувствіе того, чѣмъ окончатся эти бури и вихри, въ ту минуту еще не нарушало въ Россіи ни общаго настроенія, ни гармоніи новыхъ польско-русскихъ отношеній.

Какъ же отнеслись къ воззванію болѣе широкіе слои русскаго народа? Норадныя массы, конечно, польскимъ вопросомъ не интересовались, не затрагивалъ онъ ни крестьянина, ни средняго рабочаго. Что же касается уже съагитированныхъ слоевъ городского пролетаріата, который былъ представленъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, то онъ выпустилъ свое воззваніе къ полякамъ, которое, очевидно, ему больше приходилось по вкусу.

На очень знаменательной разницѣ между этими двумя воззваніями мы должны остановиться.

Краткое воззваніе рабочихъ извѣщаетъ поляковъ, что «всероссійскій жандармъ» уже не существуетъ и что освобожденный русскій народъ признаетъ независимость Польши и «желаетъ Польшѣ успѣха въ борьбѣ за демократическое устройство». Въ воззваніи нѣтъ ни слова ни о нѣмецкой оккупаціи, ни о совмѣстной борьбѣ съ Германіей.

«Мы одолѣли своего внутренняго врага, желаемъ вамъ успѣха въ борьбѣ съ вашимъ» — таковъ смыслъ прокламаціи, которая уже свидѣтельствуетъ о мирныхъ стремленіяхъ пролетаріата, о его нежеланіи продолжать войну.

Очевидно, что такого воззванія временное правитель-

ство издать не могло. Оно не отвѣчало бы ни настроенію интеллигенціи, вѣрившей, что революція придастъ силы, чтобы закончить войну окончательной побѣдой надъ Германіей. Невозможно было такое воззваніе и ввиду обязательства по отношенію къ союзникамъ. Отношеніе коалиціи къ вопросу о независимости Польши было очень сложно: съ одной стороны, коалиція понимала необходимость привлеченія на свою сторону поляковъ въ войнѣ съ Германіей а, съ другой стороны, она боялась еще больше, что Россія, отказавшись отъ Польши, утратитъ главный поводъ для войны съ нѣмцами. Это одинаково относилось, какъ къ Россіи царской, такъ и къ Россіи свободной.

Захочетъ ли уже утомленная войной русская армія продолжать драться и выгонять нѣмцевъ изъ страны, которая ей не принадлежитъ? Опасенія были основательны. Уже въ началѣ революціи, когда пораженческая пропаганда большевиковъ еще не сдѣлала большихъ успѣховъ, настроеніе въ рядахъ арміи было таково: защищать границы, дальше не отступать, но никакого наступленія. Лозунгъ «мира безъ аннексій и контрибуцій» уже становился популярнымъ и въ массахъ. Впрочемъ, и воззваніе рабочихъ подтверждаетъ, что войны за Польшу пролетаріатъ не хотѣлъ.

Временное правительство смотрѣло иначе, поэтому, въ своемъ воззваніи старалось одновременно и для успокоенія союзниковъ и для освѣдомленія собственной арміи подчеркнуть *интересъ*, какой имѣла Россія въ дальнѣйшей войнѣ съ Германіей ради независимой Польши: это война за союзника, который и въ будущемъ останется товарищемъ въ борьбѣ съ нѣмецкой опасностью и гарантіей мира.

«Вѣрное соглашеніямъ съ союзниками, вѣрное общему съ ними плану борьбы съ воинствующимъ германизмомъ Временное Правительство считаетъ созданіе *независимаго* польскаго государства, образованнаго *изъ всѣхъ земель, населенныхъ въ большинствѣ польскимъ наро-*

домъ,—надежнымъ залогомъ прочнаго мира въ будущей—обновленной — Европѣ. *Соединенное съ Россіей свободнымъ военнымъ союзомъ,* польское государство будетъ твердымъ оплотомъ противъ напора срединныхъ державъ на славянство».

Эти слова воззванія о военномъ союзѣ въ Польшѣ произвели такое впечатлѣніе, что революціонная Россія, провозглашая независимость Польши, ограничиваетъ, однако, суверенность польскаго государства, заранѣе навязывая ему союзъ.

Другимъ, непріятнымъ для поляковъ, пунктомъ была фраза о русскомъ Учредительномъ Собраніи, которое должно *«дать свое согласіе на тѣ измѣненія государственной територіи Россіи,* которыя необходимы для образованія свободной Польши изъ *всѣхъ* трехъ, нынѣ разрозненныхъ частей ея».

Очевидно, что установленіе польско - русской границы должно было бы явиться результатомъ взаимнаго согласія Польши и Россіи, а не односторонняго акта русскаго Учредительнаго Собранія.

Тутъ польская точка зрѣнія была непримирима съ русской : Россія считала, что призываетъ къ жизни новое государственное образованіе. Польша исходила изъ принципа неподлежащихъ давности правъ польскаго государства.

VI

РОССІЯ, ГЕРМАНІЯ И ПОЛЬША.

Мы уже говорили о тѣхъ причинахъ, которыя заставили временное правительство упомянуть въ воззваніи о будущемъ военномъ союзѣ Польши и Россіи противъ Германіи; но развѣ помимо этихъ преходящихъ мотивовъ, вытекающихъ изъ внутренняго и внѣшняго положенія, не было въ программѣ этого будущаго союза болѣе глубокой мысли; развѣ антигерманская идеологія, нашедшая свое выраженіе въ воззваніи къ полякамъ, не имѣла иного болѣе глубокаго и постояннаго источника въ политической и соціальной жизни Россіи?

Мы не довели бы до конца нашего анализа происхожденія акта 30 марта, если бы не отвѣтили на выше поставленный вопросъ.

Сейчасъ и у насъ, въ Польшѣ, и среди русской эмиграціи очень распространено мнѣніе, что съ точки зрѣнія національныхъ, русскихъ интересовъ война съ Германіей была трагической ошибкой, что традиціонная русско - нѣмецкая дружба была залогомъ благополучія и процвѣтанія россійской державы и что возобновленіе этой дружбы — грозной для Польши и желательной для Россіи — неизбѣжно въ будущемъ.

Однако, это мнѣніе лишено основанія и его источникомъ является — у русской эмиграціи то настроеніе отчаянія, которое заставляетъ утопающаго хвататься за соломинку, а у насъ — тотъ страхъ, который возбуждаетъ заключенный когда то на могилѣ Польши союзъ трехъ подѣлившихъ ее между собою государствъ. Этотъ русско-

нѣмецкій союзъ пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ характеръ чего то предопредѣленнаго, почти мистическаго, вытекающаго изъ характера двухъ, жадныхъ къ захватамъ, народовъ, которые должны подать другъ другу руки на могилѣ замученной Польши. А между тѣмъ, въ дѣйствительности это совершенно не такъ. Если вообще «ничто не вѣчно подъ солнцемъ», то менѣе всего «вѣчны» политическіе союзы. Нѣмецко - русскій союзъ имѣлъ свои основанія — очень прочныя и реальныя — которыя, однако, перестали существовать въ концѣ XIX вѣка. Сейчасъ нѣмецко - русское сближеніе снова имѣетъ свои причины, которыхъ можетъ не быть въ будущемъ при измѣнившихся условіяхъ.

Когда Александръ III разорвалъ съ политикой «союза трехъ императоровъ», руссифицировалъ прибалтійскихъ нѣмцевъ и сблизился съ Франціей, то онъ дѣлалъ это не только подъ вліяніемъ Датскаго Двора, съ которымъ былъ въ родствѣ, не только подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ берлинскаго конгресса, гдѣ нѣмецкая дружба обманула, и не только для ближайшихъ непосредственныхъ задачъ панславистской политики на Балканахъ: этотъ наиболѣе русскій изъ всѣхъ Всероссійскихъ императоровъ, съ чисто русскими чертами лица и русскими вкусами, инстинктивно чувствовалъ наростающій русско - нѣмецкій конфликтъ въ виду страшнаго возрастанія нѣмецкаго могущества и расцвѣта нѣмецкой промышленности съ одной стороны, а съ другой — въ виду пробуждающейся новой экономической жизни въ Россіи. Но при своемъ ограниченномъ умѣ Александръ III не могъ понять, что для того, чтобы побѣдоносно вступить на новые пути внѣшней политики — политики соперничества съ Германіей — Россія должна была переродиться внутренно, пробудить творческія народныя силы, перемѣнить національную политику вообще, а въ особенности измѣнить отношеніе къ Польшѣ. Еще меньше понималъ это слабый умомъ Николай II, котораго симпатіи и наиболѣе близкіе люди, толкали вопреки оффиціальнымъ союзамъ и вопреки требованіямъ жиз-

ни на старую проторенную дорогу русско - нѣмецкой дружбы. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ глубокихъ перемѣнахъ, которыя произошли въ Россіи и ея международномъ положеніи.

Характерной чертой этой традиціонной русско-нѣмецкой дружбы до второй половины XIX вѣка былъ прежде всего политическій и военный *перевѣсъ* Россіи надъ соперничующими между собой Пруссіей, Австріей и остальной, подѣленной на рядъ мелкихъ государствъ, Германіей. И въ дружескихъ отношеніяхъ между дворами русскимъ и нѣмецкимъ, которыхъ связывали многочисленные родственные и супружескіе узы, русскіе императоры долгое время играли роль опекуновъ и тѣхъ богатыхъ родственниковъ, милости которыхъ надо искать. Николай I спасалъ Австрію и охранялъ порядокъ въ Германіи. Александръ I былъ опекуномъ прусской королевской четы и освобождалъ Пруссію вмѣстѣ со всей Германіей изъ подъ французскаго ярма. Павелъ выручалъ Австрію изъ труднаго положенія, посылая Суворова въ Италію. Елизавета помогла Маріи - Терезіи отвоевывать у Фридриха — В. Силезію, а Петръ III спасъ этого послѣдняго отъ окончательнаго пораженія, лишивъ антипрусскую коалицію поддержки русскихъ войскъ. Изъ всѣхъ этихъ царей только одинъ — несчастный Петръ III, этотъ «шутъ на тронѣ», какъ его называлъ Ключевскій, былъ вѣрнымъ слугой и ученикомъ Фридриха и дѣйствительно работалъ « pour le roi de Prusse. » Но за то и царствовалъ не больше полугода. Онъ былъ убитъ взбунтовавшейся гвардіей, а его жена, этой же гвардіей на тронъ возведенная, хотя и чистокровная нѣмка, великолѣпно играла роль «матушки-царицы» и такъ же, какъ и другіе цари нѣмецкой крови, работали для могущества россійской имперіи и такъ же, какъ и другіе, сверху внизъ смотрѣли на нѣмецкихъ родственниковъ. Точно также для россійской имперіи, а не для нѣмецкаго могущества работали всѣ тѣ нѣмцы, которые со временъ Петра- В. играли въ Россіи роль спеціалистовъ во всѣхъ областяхъ жизни : въ арміи, админи-

страціи промышленности, наукѣ, народномъ просвѣщеніи, занимая всевозможные посты отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высокихъ.

Такъ какъ долгое время Россія не имѣла достаточнаго количества собственныхъ спеціалистовъ, еще не создались кадры профессіональной русской интеллигенціи, то не было русско - нѣмецкаго соперничества на почвѣ профессіональнаго труда. А, такъ какъ съ другой стороны не было ни германскаго имперіализма, ни нѣмецкой промышленности, ищущей рынковъ въ Россіи, ни всенѣмецкаго государства, ни престижа пангерманской идеи, то нѣмцы въ Россіи — работали для Россіи, а не для Германіи, легко денаціонализировались и дѣлались русскими патріотами ; недаромъ Салтыковъ - Щедринъ шутилъ, что « только у нѣмца можетъ быть истинно - русская душа ». Нѣмецкій генералъ, либо губернаторъ коверкалъ русскій языкъ, но вѣрно служилъ Всероссійскому императору за неимѣніемъ императора всенѣмецкаго. Для нѣмца прибалтійскихъ провинцій или какого-нибудь нѣмецкаго княжества сдѣлать карьеру въ русской арміи было предѣломъ мечты, какъ для принцессы любого изъ царствующихъ домовъ въ Германіи предѣломъ грезъ было выйти замужъ, если не за самого царя, то, по крайней мѣрѣ, за какого-нибудь великаго князя. Нельзя, конечно, отрицать того, что это преобладаніе нѣмцевъ не было положительнымъ явленіемъ русской жизни, но опаснымъ для національнаго развитія Россіи въ виду слабости Германіи оно не было и не несло съ собой ни экономической эксплуатаціи, ни политическаго превосходства.

Положеніе кореннымъ образомъ измѣнилось послѣ 1871 г., когда возникло могущественное нѣмецкое государство въ военномъ отношеніи болѣе сильное, чѣмъ русское, когда развивалась нѣмецкая промышленность, которой были нужны русскіе рынки ,когда расцвѣлъ пангерманскій имперіализмъ. Тогда нѣмцы въ Россіи почувствовали себя нѣмцами, нашли въ себѣ нѣмецкій патріотизмъ и, еще служа царю, уже боготворили кайзера и Бисмарка.

Тогда лишь нѣмецкое вліяніе въ Россіи стало опаснымъ, ибо стремилось подчинить русскую политику экономическимъ и политическимъ нтересамъ Германіи.

Одновременно съ этимъ въ Россіи пробуждалась новая экономическая жизнь. появилась русская промышленность, которая видѣла въ промышленности нѣмецкой грознаго соперника, создались уже кадры русской профессіональной интеллигенціи, которая совершенно не желала видѣть нѣмцевъ на постахъ руководителей.

На этой почвѣ выростало новое явленіе международной политики : русско - нѣмецкій антогонизмъ. Россія имѣла передъ собой два пути : политику пассивную, которая подчиняла Германіи Россію и дѣлала изъ нея поле для нѣмецкой экспансіи. или же политику самостоятельную и творческую. которая вела къ конфликту съ Германіей. Если при Александрѣ II еще можно было говорить о равновѣсіи въ « союзѣ трехъ императоровъ », то при Николаѣ II Россію въ этомъ союзѣ ожидала роль. на которую сошла Австрія — роль орудія германской политики. Это обнаружилось еще въ 1904-1905 г.г.. когда. пользуясь ославленіемъ Россіи вслѣдствіе японской войны. Германія навязывала Россіи очень невыгодный для послѣдней торговый договоръ. а Вильгельмъ II во время революціонныхъ волненій выступилъ въ качествѣ совѣтчика и покровителя Николая II. поддерживая его въ реакціонныхъ стремленіяхъ. Уже тогда. за десять лѣтъ до войны. въ Россіи возненавидѣли Вильгельма II.

Русско - германскій антогонизмъ на фонѣ общеміровой политики ярко изобразилъ еще въ 1908 году Романъ Дмовскій въ извѣстной книгѣ: «Германія, Россія и польскій вопросъ». Однако. Дмовскій. обращая преимущественное вниманіе на противоположные интересы Россіи и Германіи во внѣшней политикѣ. не коснулся причинъ конфликта. кореняіцихся во внутреннихъ отошеніяхъ.

Антигерманская оріентація въ Россіи нашла свое наиболѣе сильное и послѣдовательное выраженіе не въ оф-

фиціальномъ націонализмѣ, который представляло инспирированное сверху « Новое Время » и остріе котораго направлялось не столько противъ Германіи, сколько противъ Австріи, а въ либеральномъ націонализмѣ умѣренной оппозиціи. Оппозиція эта, изъ среды которой вышла партія к.-д., представляла собою передовой слой промышленниковъ и земцевъ, а также интеллигентныя профессіи (профессоровъ, инженеровъ, адвокатовъ, врачей и т. д.), т. е. именно тѣ круги, которые сильнѣе всего ощущали и яснѣе сознавали необходимость для Россіи политической и экономической независимости отъ Германіи. Оппозиція поняла то, чего не могъ и не хотѣлъ понять оффиціальный націонализмъ : что настоящее « разнѣмеченіе » Россіи неизбѣжно требуетъ обновленія государства на началахъ свободы и измѣненія политики въ польскомъ вопросѣ.

Эта позиція русскихъ общественныхъ силъ ясно обрисовалась во время революціонной бури 1905 г., бывшей прелюдіей къ великой революціи 1917 г. Издаваемый въ Парижѣ въ 1904 - 1905 г.г., подъ редакціей Петра Струве, органъ оппозиціонной группы « Освобожденіе », превратившейся потомъ въ легальную партію конституціонныхъ-демократовъ, рѣзко критиковалъ не только внутреннюю, но и внѣшнюю политику Николая II, котораго реакціонныя симпатіи толкали въ объятія берлинскаго двора, вопреки оффиціальному союзу съ Франціей.

Въ Москвѣ на польско - русскомъ съѣздѣ въ апрѣлѣ 1905 г. представители той самой « скромной оппозиціи », которая тринадцать лѣтъ спустя стала у кормила правленія, обязались защищать автономію Польши, что было тогда крупнымъ шагомъ впередъ по пути разрѣшенія польскаго вопроса въ Россіи *).

*) На этомъ съѣздѣ, происходившемъ, какъ и позднѣйшія совѣщанія въ 1914-1916 г.г. въ квартирѣ А. Р. Ледницкаго, принимали участіе съ русской стороны — Муромцевъ, Милюковъ, Родичевъ, Щепкинъ, кн. Шаховской, Кокошкинъ и др. — съ польской: Марьянъ Здѣховскій, Вацлавъ Сѣрошевскій, З. Валицкій, Гарусевичъ, Новодворскій и др.

Лѣтомъ того же года произошло извѣстное свиданіе Николая II и Вильгельма II, который не только категорически запротестовалъ противъ проекта автономіи Польши, но даже предлагалъ свои войска для наведенія въ ней порядка.

Итакъ, уже тогда мы видѣли на одной сторонѣ либеральную Россію въ союзѣ въ Польшей, а на другой — царизмъ въ союзѣ съ нѣмецкой реакціей, уже и тогда среди русской оппозиціи является мысль, которая свое выраженіе найдетъ въ воззваніи 30 марта, мысль, что освобожденная Россія должна быть въ союзѣ съ Польшей противъ Германіи, что свобода польская, какъ и свобода русская имѣютъ общаго врага въ нѣмецкомъ имперіализмѣ. Вспомнимъ, что и прежде наиболѣе горячіе сторонники русско - польскаго сближенія подъ лозунгомъ « за вашу и нашу свободу », какъ Герценъ и Бакунинъ, были въ тоже время убѣжденными противниками германизма, въ особенности Бакунинъ, столь вѣрно предвидѣвшій имперіалистическія стремленія Германіи. Антигерманское и полонофильское направленіе въ русскомъ обществѣ покоилось на сознаніи того факта, что нѣмецкій имперіализмъ, угрожающій гибелью польской національности, стремится въ то же время къ политическому и экономическому порабощенію Россіи. Россія отсталая и слабая могла оставаться въ союзѣ съ Германіей и продолжать обрусительную политику въ Польшѣ въ интересахъ русско - нѣмецкой бюрократіи, но не русскаго народа. Россія, вступившая на путь экономическаго и политическаго прогресса, желающая быть свободной и сильной, должна была особоводиться отъ пагубной нѣмецкой опеки.

Нынѣшнее положеніе вещей, когда рабская и разоренная Россія послѣ уничтоженія русской промышленности и русской интеллигенціи снова находится въ союзѣ съ Германіей, которая доставляетъ совѣтской власти спеціалистовъ и строитъ планы обращенія Россіи въ постоянную нѣмецкую колонію, вполнѣ подтверждаетъ выше-

приведенную мысль. Трагической ошибкой царизма съ точки зрѣнія національнаго русскаго интереса было не то, что онъ бросилъ Россію на борьбу съ Германіей, но то, что передъ этой рѣшающей борьбой онъ во время не укрѣпилъ государства при помощи глубокихъ соціальныхъ реформъ и коренной перемѣны національной политики.

VII

АКТЪ 17/30 МАРТА И ВЕРСАЛЬСКІЙ ДОГОВОРЪ.

Въ заключеніе нельзя не поставить вопроса : какое значеніе имѣетъ актъ 17 (30) марта, происхожденіе котораго мы старались выяснить ? Если бы Россія закончила войну побѣдоносно, то, очевидно, воззваніе временнаго правительства служило бы правовымъ основаніемъ независимости новаго государства, а Уставъ Ликвидаціонной Коммиссіи — основой для ликвидаціи прежнихъ польско-русскихъ отношеній. Теперь, когда Россія лежитъ въ развалинахъ, а Польша силою вещей возродилась на развалинахъ трехъ раздѣлившихъ ее между собою государствъ, какую цѣну имѣетъ этотъ, изъ пепла извлеченный документъ, на которомъ виднѣются подписи кн. Львова, Милюкова, Керенскаго и другихъ былыхъ вождей свободной Россіи, нынѣ ведущихъ жизнь въ изгнаніи ?

Прежде всего актъ 17 (30) марта не утратилъ цѣликомъ юридической силы ; это единственный изъ актовъ временнаго правительства, который пережилъ упадокъ и временнаго правительства и Россіи ; онъ сохранилъ свою правовую жизнь въ Версальскомъ Договорѣ.

Договоръ между главными союзными державами и Польшей, подписанный въ Версалѣ 28 іюня 1919 г., актъ международнаго признанія независимости польскаго государства, ссылается на русское воззваніе отъ 30 марта 1917 года.

« Принимая во вниманіе — читаемъ мы въ договорѣ, — что союзныя державы благодаря успѣхамъ своего ору-

жія, возвратили польскому народу независимость, которой онъ былъ несправедливо лишенъ, принимая во вниманіе, что русское правительство воззваніемъ отъ 30 марта 1917 года согласилось на возстановленіе польскаго государства, что польское государство, фактически осуществляющее суверенитетъ на земляхъ бывшей Россійской Имперіи, населенныхъ въ большинствѣ поляками, уже признано главными союзными державами, какъ государство суверенное и независимое» и т. д.

Конечно, успѣхъ оружія союзныхъ государствъ и фактическое осуществленіе суверенитета польскаго государства на земляхъ бывшей имперіи были реальными основами признанія независимой Польши Версальскимъ договоромъ, а согласіе на это уже не существовавшаго тогда русскаго правительства играло роль второстепенную и чисто формальную. Но, если принять во вниманіе, что Антанта въ то время очень считалась съ этимъ формальнымъ моментомъ и что, ожидая скораго возстановленія національнаго правительства въ Россіи, не только во время мирной конференціи, но и еще долго послѣ нея до самаго недавняго времени, не соглашалась на юридическое признаніе возникшихъ на развалинахъ Россіи безъ санкціи національнаго русскаго правительства государствъ, (какъ Латвія, Литва, Эстонія), игнорируя деклараціи совѣтской власти, правительствомъ не признаваемой, то придется признать, что актъ 30 марта ускорилъ и облегчилъ съ формальной стороны процессъ международнаго признанія независимаго польскаго государства.

Говоря объ отношеніи русскаго воззванія къ Версальскому договору, мы не можемъ не обратить вниманія еще и на то, что оба эти акта въ разрѣшеніи польскаго вопроса исходятъ изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ :

1) Версальскій договоръ также, какъ и русское воззваніе, признавая польское государство, образованное изъ земель, населенныхъ въ большинствѣ поляками, исходитъ не изъ историческихъ правъ польскаго государства, не изъ признанія недѣйствительности раздѣловъ, а изъ этно-

графическаго (Вильсоновскаго) принципа права народовъ на самоопредѣленіе.

2) Версальскій договоръ, какъ и актъ 30 марта, оставляетъ неразрѣшимымъ вопросъ восточныхъ границъ Польши, ставя его въ зависимость отъ будущей санкціи Россіи.

3) Версальскій договоръ, какъ и русское воззваніе, оговариваютъ права національныхъ меньшинствъ въ Польшѣ.

Откуда взялась эта охрана меньшинствъ въ Версальскомъ договорѣ намъ хорошо извѣстно. О ней усиленно хлопотала еврейская делегація въ Парижѣ *).

Откуда взялся пунктъ о меньшинствахъ въ актѣ 30-го марта? А. Ледницкій разсказываетъ, что въ первой редакціи акта, которую ему показалъ Милюковъ, этого пункта не было; онъ его увидѣлъ съ изумленіемъ уже въ редакціи, принятой совѣтомъ министровъ. На возраженіе Ледницкаго Милюковъ заявилъ, что это вопросъ окончательно рѣшенный и что въ совѣтѣ министровъ этого пункта категорически потребовалъ Керенскій. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что и здѣсь сыграли роль очень сильныя среди русской оппозиціи еврейскія вліянія. На русско-польскомъ собраніяхъ еще въ 1914 году неоднократно поднимался евреями вопросъ о положеніи евреевъ въ Польшѣ и либеральная русская пресса на основаніи корреспонденцій изъ Царства Польскаго, тоже неоднократно обвиняла поляковъ въ антисемитизмѣ. Ясно, что и въ актѣ 17 (30) марта дѣло шло о защитѣ правъ евреевъ. Итакъ, источникъ заботъ о національныхъ меньшинствахъ и въ Версальскомъ договорѣ и въ русскомъ воззваніи — одинъ и тотъ же.

Говоря о юридическомъ значеніи, которое сохранилъ въ Версальскомъ договорѣ актъ 30 марта, мы не должны

---

*) См. Tadeusz Koźmiński. Sprawa mniejszosci. Warszawa 1922.

забывать о его значеніи, какъ документа историческаго, свидѣтельствующаго о важномъ этапѣ на пути эволюціи русской мысли въ польскомъ вопросѣ. Этапъ—не послѣдній, ибо и въ этомъ актѣ, продиктованномъ искреннимъ энтузіазмомъ къ свободѣ, Россія не относится къ Польшѣ, какъ равный къ равному. Однако, къ этому должна придти русская мысль. Отъ автономіи къ независимости, отъ признанія независимости къ признанію польскаго государства, какъ государства дѣйствительно сувереннаго — таковъ путь, которымъ идетъ въ польскомъ вопросѣ русская политическая мысль.

Этого историческаго значенія верстового столба, указывающаго на путь, уже пройденный, актъ 17 (30) марта, конечно, не могъ бы имѣть, если бы онъ былъ случайно изъ за моря занесенъ въ Россію, какъ объ этомъ разсказываетъ Диллонъ, а за нимъ повторяетъ проф. Кутшеба. Но мнѣ кажется, что приведенные выше факты и соображенія достаточно обнаружили всю неосновательность легенды объ англійскомъ источникѣ русскаго воззванія къ полякамъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ВЪ ПАРИЖѢ
J. POVOLOZKY & Cie, 13, RUE BONAPARTE, PARIS

Imp. «Presse Franco-Russe»
216, Bd Raspail, Paris.

D00018367P
DUKE LSC